

*СОЗДАНИЕ НОВОЙ СИСТЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА
С РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ
ПОСЛЕ 1917 ГОДА (НА МАТЕРИАЛАХ ЮГА РОССИИ)*

Н.Ю. БЕЛИКОВА

*Кубанский государственный технологический университет
350072, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Московская, 2,
электронная почта: belikova2003@mail.ru*

Формирование и развитие вероисповедной политики в России – это проблема, не потерявшая своей актуальности до настоящего времени. Статья посвящена проблеме формирования государственной политики в отношении Русской Православной церкви после 1917 года. Рассматриваются вопросы развития Церкви в этот период, воздействие модернизационных процессов на религиозную жизнь общества. Особенность Юга России, как арены ожесточенной гражданской войны, наложила свой отпечаток на внутрицерковную систему в Русской Православной церкви. Постоянное вмешательство местных властей во внутрицерковную жизнь разрушало канонические традиции Церкви. Для вытеснения Православной церкви из жизни общества государственная власть применяла жестокие методы: расстрелы священников, разрушение и закрытие храмов.

Ключевые слова: Русская православная церковь, репрессии, аресты, закрытие храмов, идеология, модернизация.

С 1917 г. в российском обществе начался процесс постреволюционной модернизации. В орбиту этих изменений попала не только экономическая, социальная, политическая, культурная, но и религиозная жизнь страны. «С каждым великим историческим переворотом в общественных порядках происходит так же и переворот в воззрениях и представлениях людей, а значит и в их религиозных представлениях»[1],- писал К. Маркс.

Рассматривая вопрос о религиозной политике советской власти, Н.А. Бердяев пришел к выводу, что «непримиримо враждебное отношение коммунизма ко всякой религии не есть явление случайное, он принадлежит к самой сущности коммунистического миросозерцания»[2]. Николай Александрович рассматривал коммунизм не как социально-экономическую систему, а как идеологию, фанатически враждебную всякой религии и, прежде всего, христианской. По его мнению, «Коммунизм целостен, он охватывает всю жизнь, он не относится к какой - либо социальной

области»[2 С.129]. И в этом Н.А. Бердяев видел неизбежность столкновения коммунизма с другими религиозными верованиями.

Следует отметить, что религиозная политика советского государства в 20-30-е гг. XX в. развивалась как под воздействием идеологических установок РКП(б), так и кризисных процессов в самой РПЦ.

В этих условиях у местных властей с одной стороны, не всегда хватало выдержки и хладнокровия при проведении в жизнь первых декретов государственной власти. А с другой, сама внутрицерковная система Русской Православной церкви не была готова к восприятию новых постреволюционных преобразований в обществе. Складывавшаяся в те годы ситуация требовала осторожности, терпимости, строгой последовательности проведения религиозной политики в жизнь, глубокого понимания реформы государственно-церковных отношений. Вместо этого сказывалось порой желание быстрее, одним ударом разрешить все вопросы, а в качестве универсального средства избиралось административное давление, репрессивные мероприятия.

Данный процесс в полной мере проявился на Дону, Кубани и Ставрополье, вместе с тем, он обладал определенными особенностями, обусловленными характером предшествующего исторического развития региона.

Особенность Юга России, как арены ожесточенной гражданской войны, наложила свой отпечаток на внутрицерковную систему в РПЦ. В ходе гражданской войны, отторгнутые от Патриархии епархии, переходили на самоуправление, организуя местные центры. Так 19 мая 1919 г. в Ставрополе состоялся Юго-восточный Русский Церковный Собор. Одним из инициаторов созыва Собора являлся протопресвитер Георгий Шавельский, возглавлявший в войсках Деникина управление военным духовенством. Характеризуя положение РПЦ на Юге России в конце 1918 – начале 1919 гг., он отмечал, что «высшей церковной власти в крае не было. Связь с патриархом порвалась. Каждая епархия жила своей жизнью.

Вопросы, превышающие компетенцию епархиальной власти, или решались, на свой страх епископами, или оставлялись без последствий...»[3 С.109]. Получалось, по мнению протопресвитера Г. Шавельского, странное явление: огромная территория, почти весь юго-восток России с несколькими епархиями оказалась без высшей церковной власти, которая одна могла бы и направлять и исправлять церковную жизнь. В Соборе принимали участие епископы, клирики и миряне по выборам от Ставропольской, Донской, Кубанской, Владикавказской и Сухумо-Черноморской епархий. Председателем был избран митрополит Новочеркасский и Донской Митрофан. На Соборе было утверждено определение «О признании выделения Кубанского викариатства из Ставропольской епархии». Этим документом окончательно утверждалась самостоятельность Кубанской епархии. Считаясь с невозможностью непосредственных связей освобожденных местностей с Патриархом Тихоном, Собор решил «впредь до восстановления правильных деловых сношений с патриархом Тихоном, Священным Синодом и Высшим Церковным Советом установить Временное церковное управление для епархий, уже освобожденных и постепенно освобождаемых Вооруженными Силами на юге России». В этом решении Собора также подчеркивалось, что «Временное высшее церковное управление сим получает всю полноту церковной власти в указанной местности и пользуется ею, пока не состоится... освобождение нашего святейшего патриарха Тихона, коему и будет дан отчет во всем совершенном от его имени на благо святой нашей матери – Православной Российской Церкви»[4]. Таким образом, епархии Юга России переходили в подчинение ВВЦУ. Собор издал обращение к христианам всего мира, в котором звучал призыв «соединиться всем христианам для дружной борьбы с врагом». Следует, однако, отметить, что некоторые обращения к Собору, носившие откровенно шовинистический погромный характер, были отвергнуты большинством его членов. Так, не получило поддержки составленное членами Екатеринодарского братства

Святого Креста во главе с протоиереем В. Востоковым воззвание, в котором предлагалось «объявить по войскам зов бороться прежде всего за гонимую Святую Церковь и за спасение распятой революцией России от жестокого ига еврейско-масонских организаций»[5].

Первые заседания Высшего временного церковного управления проходили в Екатеринодаре, позже в Таганроге и Новочеркасске. Главное внимание ВВЦУ было обращено на устройство и усовершенствование разных сторон церковной жизни, касавшихся богослужения, проповеди, переустройства учебного и воспитательного дела в семинариях. Сравнивая работу дореволюционного Синода, Высшего Церковного Совета при патриархе Тихоне и Высшего временного церковного управления, в которых Г. Шавельскому довелось заседать, протопресвитер считал, что наибольшее удовлетворение он получил от своего участия в ВВЦУ под председательством 73-летнего архиепископа Донского Митрофана. «Наш председатель, - вспоминал Г. Шавельский, - сразу же внес в заседания ВВЦУ спокойствие, серьезность и деловитость. Между членами ВВЦУ сразу установились драгоценные для дела: солидарность, единодушное доверие друг к другу»[3]. Едино были члены ВВЦУ и в поддержке белого движения. Высшее временное церковное управление опередило все общественные выступления в том, что оно первое поддержало А.И. Деникина в его стремлении признать адмирала А.В. Колчака «Верховным правителем». В период гражданской войны духовенство было втянуто в политическую борьбу. Служа в белой армии, священнослужители благословляли братоубийственную войну. Так в войсках у Деникина служило более 1 тыс. священнослужителей.

Первые шаги советской власти в отношении религии члены Совета Союза духовенства Ставропольской епархии характеризовали, как «страшный натиск многочисленных врагов». Они готовились к борьбе с новой властью, для которой, по их мнению, необходимы «религиозно-воодушевленные руководители, вокруг которых должны создаваться

организации из живых и действенных членов церкви»[6]. Благословляя братоубийственную войну, священнослужители отступали от одной из главных православных заповедей «не убей» и, тем самым, вносили изменения во внутрицерковную систему, которая сложилась в РПЦ. Неприятие духовенством новой законодательной базы, изменившей юридический статус РПЦ в государстве, а также участие священнослужителей в политической борьбе против советской власти были питательной средой для антицерковных акций со стороны РКП(б). Материалы «Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, состоящей при главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России», содержат многочисленные факты надругательств над христианскими святынями, разграбления церковного имущества и насилия в отношении священнослужителей РПЦ. Так, с весны 1918 г. в городах и селениях Ставропольской епархии «при производстве обысков, особенно тщательно таковые производились у священнослужителей местных храмов, причем эти обыски повторяются по много раз у одних и тех же лиц, сопровождалась часто вымогательством денег, по большей части полным разграблением имущества, вплоть до снятия вещей, надетых на обыскиваемых, и всегда глумлением над священнослужителями и членами их семей. Объяснялись эти обыски обыкновенно розыском пулеметов или иного оружия или же производились без предъявления каких - либо распоряжений центральной власти»[7]. Постоянное вмешательство местных властей во внутрицерковную жизнь разрушало канонические традиции, систему РПЦ.

В 1920 г. партийные и государственные органы продолжали придерживаться тактики вытеснения религии из всех сфер жизни общества. В соответствии с циркуляром Народного Комиссариата юстиции от 18 мая в РСФСР была проведена ликвидация почти всех епархиальных советов. С особой непримиримостью в изучаемом регионе были закрыты все епархиальные советы, а имущество их было конфисковано[8].

Постреволюционные преобразования приводили к стихии насилия в отношении иерархов РПЦ. Только по неполным данным в течение июня 1918 – января 1919 гг. в стране было убито митрополитов –1, архиереев –18, священников –102, дьяконов –154, монахов и монахинь –94. Репрессивные тенденции наблюдались и на Юге России. Так, в Кубанской области было убито 43 священника. В Ставропольской епархии погибло 32 священника, 4 диакона, 3 псаломщика и один иподиакон[7].

В сообщении о гонениях большевиков на церковь в Донской области Особая следственная комиссия отмечала, что «здесь значительное количество священнослужителей заплатились своей жизнью только за то, что они являлись представителями Церкви». Так, 23 мая 1918 г. в станице Тищанской красноармейцами был захвачен псаломщик Иоанн Мелихов и увезен из станицы. На следующий день был найден его труп с массой штыковых ран. 2 июля 1918 г. был расстрелян красноармейцами священник Успенской церкви хутора Самсонова Павел Вилков. Священнику вменялось в вину, будто он стрелял из окна в красноармейцев. После казни штаб красноармейцев, разобрав дело, вынес письменное постановление, что П. Вилков был расстрелян без вины[7]. Анализ таких фактов свидетельствует, о том что в прифронтовых районах основная часть случаев насилия и террора в отношении духовенства была допущена военнослужащими и сотрудниками частей Красной Армии, а не представителями местных органов советской власти. Жестокость, свойственная войне, была присуща как красной, так и белой армии. В понимании участников первых годов постреволюционной модернизации (в основу которой был положен классовый принцип) в регионе, физическое устранение представителей враждебных общественно-политических сил диктовалось не столько целью расправы над политическими противниками, сколько желанием приблизить общественные перемены и достичь грядущего царства справедливости и равенства в кратчайшие сроки. Сделать невозможным восстановление старого мира. Утвердить новый вариант религиозно-нравственного учения,

а, следовательно, и новые формы постреволюционного человеческого существования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Рецензии из «NEUE RHEINISCHE ZEITUNG. POLITISCH- OKONOMISCHE REVUE» //Сочинения. М.: Политиздат, 1956. Т. 7. 618 с.
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224с.
3. Кашеваров А.Н. Церковь и власть. Русская Православная Церковь в первые годы Советской власти. СПб.: Изд-во СПб ГТУ, 1999. 328 с.
4. Постановления Поместного Собора юга России //Кубанский церковный вестник. 1919. №7. С.3-5.
5. Воззвание братства Святого Креста //Кубанский церковный вестник. 1919. №6. С.4-6.
6. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК) Ф. 135. Оп. 76. Д.32. Л.3.
7. Красный террор в годы гражданской войны: По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков. Лондон, 1992. 294с.
8. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК) Ф. Р-102. Оп.1. Д.133. Л.7.

REFERENCES

1. Marks K., Engels F. Retsenzii iz «NEUE RHEINISCHE ZEITUNG. POLITISCH- OKONOMISCHE REVUE» //Sochineniya. M.: Politizdat, 1956. T. 7. 618 s.
2. Berdyayev N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma. M.: Nauka, 1990. 224s.
3. Kashevarov A.N. Tserkov i vlast. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov v pervye gody Sovetskoy vlasti. SPb.: Izd-vo SPb GTU, 1999. 328 s.

4. Postanovleniya Pomestnogo Sobora yuga Rossii //Kubanskiy tserkovnyy vestnik. 1919. №7. S.3-5.
5. Vozzvanie bratstva Svyatogo Kresta //Kubanskiy tserkovnyy vestnik. 1919. №6. S.4-6.
6. Gosudarstvennyy arkhiv Stavropolskogo kraya (GASK) F. 135. Op. 76. D.32. L.3.
7. Krasnyy terror v gody grazhdanskoy voyny: Po materialam Osoboy sledstvennoy komissii po rassledovaniyu zlodeyaniy bolshevikov. London, 1992. 294s.
8. Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya (GAKK) F. R-102. Op.1. D.133. L.7.

*THE NEW RELATIONSHIP OF THE STATE WITH
THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AFTER 1917
(ON THE MATERIALS OF THE SOUTH OF RUSSIA)*

N. YU. BELIKOVA

*Kuban State Technological University,
2, Moskovskaya st., Krasnodar, Russian Federation, 350072,
e-mail: belikova2003@mail.ru*

The formation and development of religious policy in Russia is the problem, not lost its relevance up to the present time. The article is devoted to the formation of state policy of the Russian Orthodox Church after 1917. Discusses the development of the Church in this period, the impact of modernization on the religious life of society. The peculiarity of the South of Russia, as the arena of a fierce civil war has left its mark on internal Church system in the Russian Orthodox Church. The constant interference of the local authorities in internal Church life was destroyed by the canonical tradition of the Church. To supplant the Orthodox Church in the life of the state power company applied the cruel methods: the executions of priests, the destruction and closure of the temples.

Key words: Russian Orthodox Church, the repression, arrests, closure of churches, ideology, modernization.